

НАУКА КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ

© 2020 г. С. В. Пирожкова

Институт философии РАН, Москва, Россия

E-mail: pirozhkovasv@gmail.com

Поступила в редакцию 30.01.2020 г.

После доработки 14.02.2020 г.

Принята к публикации 07.03.2020 г.

В статье сквозь призму социально-философской программы развития науки, предложенной мыслителем и общественным деятелем А.А. Богдановым, анализируются два ракурса рассмотрения науки – как культурного феномена и как социокультурного проекта. Раскрываются предпосылки подхода Богданова к анализу современного ему этапа развития науки, что позволяет высветить своеобразие идейной и социокультурной ситуации рубежа XIX–XX вв. В то время позитивистское умонастроение и признание науки определяющим элементом культурно-исторической целостности, которую формировала европейская интеллектуальная традиция, в том числе в значительной мере и русская, совпали с подъёмом идеологии общественного переустройства. Как показывает автор, А.А. Богданов развивал оригинальную трактовку марксизма с привлечением идей так называемого второго позитивизма, в рамках которой проблемы развития науки и техники включались в контекст исторического развития человеческого общества. С одной стороны, это позволило выйти за пределы интерналистского рассмотрения науки (взгляд изнутри), с другой – поставить вопрос о науке как о феномене не просто спонтанно формирующемся, но доступном для сознательной организующей деятельности, то есть для управления. Проект Богданова включал в такое управление не только научную политику, но и более широкую деятельность, которую можно определить в качестве социокультурного проектирования, что ставит идеи учёного в один ряд с различными программами обоснования науки в качестве культурной ценности и социального института, характерными для становления и развития новоевропейской научной традиции.

Ключевые слова: А.А. Богданов, наука, тектология, марксизм, позитивизм, эмпириокритицизм, культурный проект.

DOI: 10.31857/S0869587320050096

По историческим меркам ещё совсем недавно в отечественной философии действовал так называемый принцип партийности. Согласно ему всякая философская концепция и всякое философское творчество связаны с определёнными

общественными – классовыми – интересами, а значит, необходимо “рассматривать и расценивать расхождения и борьбу философских направлений, а также течений как выражение борьбы классов, столкновение их политических и экономических интересов” [1, с. 65]. На практике это означало, что если ты придерживаешься идеалистической философии, то относишься к реакционным группам, являешься политически и идеологически враждебным элементом.

Противостояние философских учений может быть понято в терминах партийности и вне политического и классового контекстов: допустимо – разумеется, в несколько метафорическом смысле – говорить о “партиях” внутри философии или любой другой науки, в которой в данный исторический момент конкурируют разные теории. Как правило, речь идёт о концепциях, трактующих

ПИРОЖКОВА Софья Владиславовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН.

парадигмальные основания данной дисциплины. В случае философии каждое крупное направление претендует на видоизменение этих основ.

Как отмечают специалисты по истории новейшей западной философии, «характерная особенность современной философии, которую историки идей, привыкшие оперировать “измами” и проводить строгие разграничения между школами и традициями (прежде всего для удобства классификации), предпочитают не замечать», — это тенденция «к взаимному сближению, а в некоторых случаях и конвергенции основных направлений философской мысли, к преодолению “школьных”, дисциплинарных и культурных границ... Самые яркие и плодотворные авторы прошлого века старались не ограничивать себя рамками какого-то одного интеллектуального течения или канона, а двигались к синтезу философских традиций» [2, с. 6]. Данная тенденция датируется как “наметившаяся ещё в середине XX века” [2, с. 6], и цитируемая книга содержит интеллектуальные биографии зарубежных мыслителей, подтверждающие этот тезис. Однако проявления обозначенной тенденции обнаруживаются и в отечественной философии, причём практически на полвека раньше — в самом начале XX столетия. Именно на этот период приходится расцвет творчества Александра Александровича Богданова (Малиновского).

Выходя за рамки “измов”, Богданов сумел ухватить и выразить ряд животрепещущих проблем своего времени. Оценивая его творчество из начала XXI в., нельзя не заметить, что и в наступившем столетии остаются неизжитыми многие из тех вопросов, которые волновали Богданова, прежде всего о развитии науки как познавательного и социокультурного явления. Именно об этом пойдёт речь в настоящей статье. Наследие Богданова поможет проследить, как и почему формировались болевые точки, ставшие сегодня предметом исследовательского и практического интереса науковедов, философов и организаторов науки.

ИДЕЙНЫЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ БОГДАНОВСКОГО ПРОЕКТА РАЗВИТИЯ НАУКИ

Фигура Богданова давно стала объектом пристального внимания не только специалистов по отечественной истории пред- и революционного времени, но также философов и историков науки, всех учёных, кого волнует проблема истоков и предтеч крупных научных направлений. Александр Богданов — марксист-революционер, на протяжении 1904–1906 гг. сподвижник Ленина, а затем его оппонент. Он был сторонником идеала коллективистского общества, утопистом, авто-

ром спорной идеи пролетарской культуры. В то же время ему удалось разработать *теорию организации*, которая внесла огромный вклад в развитие системного мышления: по мнению академика Н.Н. Моисеева, трёхтомный труд Богданова “Тектология: Всеобщая организационная наука” заложил основы теории систем [3, с. 41–52].

Исследование наследия Богданова-учёного началось в конце 1960-х годов в связи с разработкой в СССР теории систем и кибернетики, но его философские, в том числе социально-философские идеи стало возможным полноценно изучать только с отказом от советской идеологической диктатуры. Ведь согласно канону советского марксизма, Богданов — философ-путаник и ревизионист, раскритикованный Лениным в одном из его главных философских трудов “Материализм и эмпириокритицизм”, за которым последовали многие другие разгромные работы. Итогом этой критики стал не только вывод, согласно которому Богданов — идейно чуждый элемент, но и представление о его философской несостоятельности. Как вспоминает академик В.А. Лекторский, в 1950-е годы на философском факультете МГУ у студентов после прочтения “Материализма и эмпириокритицизма” складывалось «представление о Махе (а вместе с ним и об объявленном “махистом” Александре Богданове. — С.П.) как отчасти о дураке, отчасти просто сумасшедшем» [4, с. 324]. (Впрочем, думающие студенты быстро разбирались, что к чему. По словам В.А. Лекторского, “тем сильнее было моё изумление, когда я понял, что Мах — интересный и по-своему глубокий мыслитель, пытающийся осмыслить современные ему проблемы физики и психологии, *выдвигающий аргументы* (курсив мой. — С.П.) в защиту своей философской позиции” [4, с. 324].)

Однако и в постсоветский период отношение к Богданову оставалось ангажированным и определялось уже его принадлежностью к лагерю идеологов революции. Что, в самом деле, ожидать от человека, который предлагал разрушить старый порядок и водворить на обломках новый? К образу путаника добавился образ человека, фанатично приверженного социалистическим и даже, как полагает ряд авторов [см., например, 5], тоталитарным идеям.

Ранее мне уже доводилось рассуждать о “несоветском” советском марксизме на примере судьбы молодых (в первые годы постсталинской эпохи) философов Э.В. Ильенкова и В.И. Коровикова. Рассматривая ранний период творчества Ильенкова, я попыталась показать, что за гранитной плитой официального советского марксизма скрыты замечательные имена и оригинальные идеи, о которых нужно знать не просто в рамках истории отечественной философской мысли (как об опыте, удерживающем от повторения уже со-

вершённых ошибок), но как об *интеллектуальном наследии*, актуальном при решении насущных для нашего времени проблем [6]. Конечно, может показаться, что если философы-шестидесятники при всей своей приверженности диамату творчески его развивали, то философы-революционеры, наоборот, формировали идеологическую традицию, которая затем перемолола судьбу не только отечественной науки, но и всей страны. Однако целый ряд исследований [7–10] рисует иную перспективу: борьбу альтернатив, различных прочтений Маркса, поиск оснований для преобразования социальной реальности.

Предложенные Богдановым концепции, в том числе касающиеся принципов организации науки как социального института и познавательной практики, неотделимы от контекста своего возникновения и формирования и от личности своего создателя, дышавшего в унисон с эпохой — временем масштабных социокультурных проектов. Богданов был не просто ярким выразителем идеалов социального и культурного строительства, но и мощным его теоретиком. Как бы сейчас ни относиться к революционным идеям тотального социального проектирования, именно они определили траекторию развития всего человечества (а не только социалистических стран) в XX в. и продолжают определять её сейчас. Это выразилось, в частности, в проникновении так называемых *конструктивистских идей* в самые разные области знания и практики. Можно даже говорить о конструктивистском мировоззрении, конструктивистской философии или конструктивистском умонастроении как характерной черте современности, выражающейся в целом ряде коррелятивных феноменов [11]. Конструктивистские идеи широко распространены в методологии социальных и гуманитарных наук [12, 13]; конструктивистским духом проникнуты социальные ожидания в отношении науки и научно-технического развития [14]; в конструктивистском ключе интерпретируется и сама деятельность учёных — как созидających свой объект и изучающих в первую очередь его, а не объективную реальность [15]. Все эти проявления конструктивистского умонастроения находят предтечу в Богданове: в его понимании активной роли познающего субъекта (коллективного, схватывающего реальность в форме определённой социально и технологически организованной практической деятельности); в его убеждении, что наука должна погружаться в практику, а не отрываться от неё; наконец, в том, что наука и политика представляют собой лишь специализированные виды организационной деятельности человечества, направленной на упорядочивание природных стихий, а также собственных сил и опыта (то есть человеческих действий и познания) [16, с. 69–71].

Сегодня идея взаимосвязи социального и политического контекста, с одной стороны, и научно-исследовательской деятельности — с другой, находит много интерпретаций: от представления о почти тотальной социальной и политической ангажированности научного знания в целом ряде новых эпистемологических концепций (например, в феминистской эпистемологии) [17] до понимания того, что работа научных институтов нормируется не только решениями, принимаемыми внутри профессионального сообщества, но на уровне научной политики, включённой в систему более общих политических решений. В любом случае восприятие науки как автономного института, а научной деятельности — как реализации чисто познавательного интереса отрёпанным от всего и вся учёным-гением уступило место комплексному представлению о науке как одновременно познавательном, социальном, экономическом, культурном явлении, принадлежащем более широкому контексту человеческого познания и практики.

В становлении этого видения, критически важного с точки зрения современных дискуссий о будущем науки, большую роль сыграли идеи К. Маркса. Богданов был одним из тех, кто пытался анализировать науку с марксистских позиций, исходя из которых предлагал программу её развития. Но марксистский взгляд дополнялся ещё одной традицией (и здесь обнаруживается та самая двойственность, о которой говорилось выше) — соединением идей Маркса и идей направления, отражавшего философскую рефлексию относительно развития естествознания конца XIX — начала XX в., а именно идей *второго позитивизма*, или эмпириокритицизма. Эта “прививка” позволила Богданову избежать как марксизма, возведённого в почти религиозный ригоризм, так и одностороннего сциентизма, что обеспечило оригинальную трактовку им *социокультурного значения науки* и позволило выработать самобытную программу её развития.

МОГ ЛИ МАРКСИЗМ ПРИРАСТИ ПОЗИТИВИЗМОМ?

Как отмечают в предисловии к сборнику работ А.А. Богданова (1990) Г.Д. Гловели и Н.К. Фигуровская, “наука и социализм — вот два берега, между которыми пролегает русло идейной эволюции марксиста Богданова” [18, с. 6]. Однако проводить прямую параллель между научностью и позитивизмом, а также социалистическими идеями и марксизмом, безусловно, нельзя. Упомянутые авторы точно подмечают, что “марксизм был не только социально-философским учением, создавшим теоретический фундамент освободительной борьбы пролетариата, но и методологическим обобщением достижений науки XIX в.”

[18, с. 8]. Эмпириокритицизм стал, с одной стороны, осмыслением ряда проблем естествознания, прежде всего физики, наметившихся к концу XIX в., с другой – катализатором развития новых подходов (как известно, критика эмпириокритиком Э. Махом оснований классической физики была творчески воспринята молодым А. Эйнштейном). Марксизм и эмпириокритицизм – две научно-исследовательские программы универсального типа. В подобном ключе воспринимал их и Богданов, писавший: “За последние полвека на сцену выступили две новые философские школы, связанные с именами К. Маркса и Э. Маха” [цит. по: 7, с. 162].

С точки зрения историка и философа науки Т. Куна, научные парадигмы (разные модели постановки и решения проблем) несоизмеримы, а значит, и синтезировать их невозможно. Концепция научно-исследовательских программ другого видного философа науки И. Лакатоса столь жёстких ограничений не задаёт, разделяя теоретический (метатеоретический) уровень на изменяющуюся составляющую и неизменную – образующую “твёрдое ядро” или, можно сказать, генетический код, отличающий данную программу от любой другой. В случае с трактовкой Богдановым наследия Маркса этот сюжет чрезвычайно важен, поскольку речь идёт о формировании твёрдого ядра советского марксизма.

Казалось бы, советский марксизм опирался на работы Маркса и Энгельса, ставшие своеобразным каноном. Однако обеспечивалась ли тем самым прямая или, напротив, кривая линия преемственности, уведшая в сторону от идей Маркса? Имеющиеся исследования [8, 18] позволяют проследить замысловатый путь от работ и концепций Маркса к советскому марксизму. Понятно, что идеи любого крупного мыслителя допускают разнообразные интерпретации и варианты развития, поэтому уличать советский марксизм в “немарксовом” характере было бы неверно, если бы не одно “но”: советский марксизм претендовал на ортодоксальность. Эта линия возникла ещё до становления советской государственности и идеологии и была связана прежде всего с именами Г.В. Плеханова и его учеников, а также В.И. Ленина, считавшего верным именно плехановское изложение марксизма.

Богданов, напротив, выступал против какой-либо ортодоксии в следовании Марксу. Следовать для него значило *не повторять, но развивать*. Так, сравнивая упоминаемые выше школы Маркса и Маха, он писал: “Я имею честь принадлежать к первой из этих философских школ, но, работая в её направлении, стремлюсь... гармонически ввести в идейное содержание этой школы всё, что есть жизнеспособного в идеях другой школы” [цит. по: 7, с. 162, 163]. В своей работе “Наука и

вера” Богданов указывает, что наука, опирающаяся на опыт, не может включать каких-то абсолютных положений, абсолютное доступно только вере, но не познанию [20]. То есть Богданов сохраняет приверженность идеалу позитивизма, который начиная с О. Конта можно трактовать как критическую философию, отвергающую любую метафизику. Поэтому для Богданова несомненно, что научный марксизм – это марксизм развивающийся, интегрирующий в себя новые научные знания и подходы, основанные на новых опытных данных. Книга одного из исследователей творчества Богданова М.В. Локтионова “Александр Богданов. Неизвестный марксизм” открывается блестящей цитатой, отражающей эту позицию: “Скажите, наконец, прямо, что такое *ваш марксизм* (курсив мой. – С.П.), наука или религия? – вопрошает Богданов, апеллируя к своим оппонентам, главным образом, как мы понимаем, Плеханову и Ленину. – Если он наука, то каким образом, когда все другие науки за эти десятилетия пережили огромные перевороты, он один остался неизменным? ...Если марксизм – истина, то за эти годы он должен был дать поколение новых истин. Если, как вы думаете, он не способен к этому, то он – уже ложь” [цит. по: 10, с. 4].

Анализ полемики Богданова с плехановцами и Лениным [7, 9, 10] свидетельствует, что разгром Богданова как махиста в работе Ленина “Материализм и эмпириокритицизм” – скорее факт политико-идеологической борьбы, чем философской дискуссии. Нападая на концепцию Богданова, Ленин в самом деле обнаружил в ней много слабых мест. Но действовал он не в рамках научной полемики, предполагающей в том числе уважение к оппоненту: в слабые места наносились разящие удары нелицеприятной критики уже не научного, а идеологического свойства. Вовлечённые в политическую борьбу, наука и философия утрачивают свою эпистемическую природу. Отсюда рождаются множественные aberrации, которые затем транслируются и получают статус знаний. В частности, это касается оценки Богданова не просто как позитивиста, но как эмпириокритика и махиста. В действительности Богданов не был последователем физика и философа Э. Маха или психолога Р. Авенариуса, двух лидеров второго позитивизма. Идеи эмпириокритиков повлияли на него, но послужили лишь основанием для выработки собственной оригинальной концепции, которая, не вписываясь в рамки марксизма-ленинизма, по сути, в большей мере следовала учению Маркса.

Каменем преткновения для интеграции позитивистской и марксистской программ оказался материализм. Если заслуга Маркса в том, что он развил *материалистическое понимание человеческой истории*, то благодаря усилиям Энгельса, а

главным образом Плеханова и Ленина это понимание превратилось в целостную философскую концепцию — *диалектический материализм*. Диалект предлагался, а затем в СССР и насаждался в качестве концептуального и методологического основания для всех наук — от гуманитарных до естественных. При этом он рассматривался как истинное научное мировоззрение, то есть такое, которое нельзя творчески развивать, можно разве что углублять и расширять за счёт новых фактов, подтверждающих его истинность.

Эмпириокритицизм в лице Маха проповедовал иной подход к пониманию научного знания. Из интерпретации и критики теоретических построений как конструкций, а не кальки с реальности, следовала возможность творческого, даже радикального развития научного мировоззрения (хотя сам Мах придерживался идеала описательной науки). Поэтому для воспринявшего эту установку Богданова диалектический материализм представал метафизикой и даже квазирелигией, а соответствующая ему теория познания (теория отражения), предлагаемая Лениным, — ошибочной.

Возможность частичного взаимопроникновения марксистской и позитивистской программ жидилась на основании, которое признаёт общим для марксизма и позитивизма М.В. Локтионов: по его мнению, обеим философским традициям присуща “открытая направленность на практическое действие” [9, с. 6]. Хотя марксизм и позитивизм, как ранее уже отмечалось, предполагали различные стратегии реализации социального действия, сами эти стратегии тяготеют к интеграции на уровне практики [21]. В деятельности и проектах Богданова метафизическая (утопическая) ориентация марксиста отчасти сочетается с позитивизмом. Для *проекта развития науки* это имеет в следствие, что при всей своей утопичности он опирается на попытку конструктивно менять фактическое положение дел в науке, которое открывалось Богданову и которое он считал неадекватным. Неадекватность заключалась не в несоответствии научных реалий научным же принципам — методологическим и этическим, а в их несоответствии конечным целям общественного развития.

НАУКА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Социально-практическая, то есть марксистская, интерпретация любой деятельности, в том числе интеллектуальной, позволяет Богданову ставить проблемы развития науки именно как проблемы *социокультурные* и эксплицировать социальное значение научно-технического прогресса не просто с точки зрения его социальных последствий, но и рассматривать научную и тех-

нологическую деятельность как социальный феномен, вписанный в более широкую перспективу. Богданов связывает социальные и технологические процессы через своеобразную *социальную метафизику*, согласно которой смысл человеческой истории заключается в борьбе человека (точнее человечества, коллективного субъекта) с природными стихиями и организации их наилучшим для себя образом. Организация предполагает познание природы (наука) и её преобразование (техника и технологии).

Хотя эмпириокритицизм допускал развитие научных представлений о мире, оставалось не ясным, как, за счёт чего это происходит. Богданов отвечал на этот вопрос с марксистских позиций: познаваемый объект дан познающему в форме коллективной практики, поэтому эволюция этой практики ведёт к развитию знаний. Движение же вперёд самой практики обусловлено тем, что она есть борьба с природой, её *активная организация*. Что касается общественных отношений, то они, в духе Маркса, представлялись как следующие за развитием знания и техники.

Наука наравне с искусством и разнообразными формами нормирования социальной жизни рассматриваются Богдановым как составляющие духовной культуры. Культура в целом и каждый её компонент — это организованный опыт человечества и в качестве такового — орудие организации последующего опыта. По сути, вся культура представляет собой систему практических норм, позволяющих упорядочивать человеческую жизнь. Отношения практики, жизни, с одной стороны, и культуры — с другой, можно уподобить, используя пример самого Богданова, отношению движения поездов и нормирующего его расписания [22]. Любая составляющая духовной культуры имеет в основе организационную функцию: «Обычай, право, нравственность, приличия регулируют и контролируют всю практическую жизнь общества: самое понятие “норма” есть явно организационное» [22, с. 306]. Соответствующее определение получает и наука: “организованный общественно-трудовой опыт” [23, с. 241] и “орудие организации общественного труда” [23, с. 242].

Те проблемные рамки, в которых Богданов рассматривает науку, в определённой мере предвосхищают развитие философии науки и современного междисциплинарного направления социальных исследований науки и технологий (*social studies of science, technology and society, STS*). В фокусе STS находятся переплетающиеся между собой и взаимно друг друга усиливающие процессы, во-первых, роста научного знания, во-вторых, прогресса материальных (технологических) возможностей человека и создаваемой благодаря им искусственной среды и, в-третьих, эволюции

социальных отношений. Анализ научно-технологического развития, его условий, контекста и последствий, предпринятый ранее [24], позволяет утверждать, что в качестве особого процесса, теснейшим образом связанного с тремя обозначенными, нужно выделять совокупность антропологических трансформаций, которые следуют за изменением фундаментальных структур, определяющих специфику данного культурного целого. Такие структуры академик В.С. Стёпин называл *универсалиями культуры* и полагал невозможным рассматривать эволюцию науки, технологии и общества вне эволюции этих наиболее общих культурных смыслов и мыслеобразов. Казалось бы, речь идёт о чем-то абстрактном, спекулятивном и далёком от реальной практики. Однако интерпретация Богдановым культуры как *совокупности организационных схем или норм деятельности* позволяет увидеть за самым отвлечённым понятием и общим тезисом потенциал практического преобразования мира. Чем более общим оказывается некий принцип (например, присущие культуре модерна активизм и антропоцентризм), тем масштабнее и глубже его влияние.

Как отмечает один из отечественных исследователей О.Е. Столярова, «онтологические (метафизические) дискуссии по поводу природы и общества, инспирированные наиболее яркими представителями STS... “перевели” STS с языка эмпирической науки на язык культуры, придав этой дисциплине характер универсальной саморефлексии современного общества» [25, с. 49]. Важно отметить, что видение науки как социокультурного феномена и востребованность в связи с этим знаний из области культурологии и философии имеет не только чисто теоретическое значение. Подобный ракурс рассмотрения связывает воедино разнообразные ситуативные исследования (case studies), которые составляли основное содержание STS на ранних этапах развития этого междисциплинарного направления; одновременно понимание включённости науки как деятельности и как социального института в определённый социокультурный, помимо социально-исторического, контекст становится важнейшей компетенцией учёного. Так, один из представителей STS Э. Джеймисон развивает оригинальную концепцию “гибридного воображения”, обосновывая необходимость его развития у будущих работников сферы НИОКР тем, что “студенты смогут лучше использовать свои научные и технические знания для достижения полезных результатов, если будут знать что-то о том, как наука и технологии используются — в том числе используются неправильно — в обществе ... Гибридное воображение — то есть такое, которое соединяет компетенции инженера и учёного-естественника с культурной осведомлённостью — выступает центральным для многих, если

не для большинства положительных научных и технологических достижений в человеческой истории. С другой стороны, когда учёные и инженеры не обладают достаточным пониманием последствий того, что они делают, они порождают проблем едва ли не больше, чем могут решить” [26, р. XI]. Программа Джеймисона созвучна концепции инженерного образования, которую разрабатывал отечественный философ науки В.Г. Горохов совместно со своими немецкими коллегами [27]. Можно без дополнительного обоснования обобщить тезис Джеймисона: в ситуации, когда на повестке дня стоят вопросы будущего человеческой цивилизации, системное и целостное понимание культуры и развития различных её компонентов должно быть присуще не только учёным, но и всем, кто причастен к процессам принятия решений. Для учёных же такая осведомлённость становится залогом успешной включённости не только в процесс принятия решений, но и в процесс формирования научной политики — в том более широком её понимании, о котором речь пойдёт далее.

ОТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА К СОЦИОКУЛЬТУРНОМУ ПРОЕКТУ

Изучение науки в качестве социокультурного феномена — несомненное достижение отечественных учёных. Интерес к исследованиям культуры и человека у советских и российских философов и представителей других гуманитарных дисциплин во многом опирался на развитие наследия Маркса, что хорошо видно на примере уже упоминавшегося Э.В. Ильенкова [6]. Важно, что эти исследования реализовывались не только философами, но и историками науки. Плодотворное сотрудничество Института философии АН СССР и Института истории естествознания и техники АН СССР принесло результаты, не теряющие актуальности и сегодня.

Однако марксист, как видно на примере Богданова, не может относиться к тому или иному социокультурному феномену исключительно как к данности. Богданов, по сути, расколдовывает (вслед за Марксом) те культурные формы, которые зачастую оцениваются как довлеющие над человеком. Подобное подчинение культурным кодам должно уступить место пониманию их организационного смысла, после чего человек станет управлять культурой, а не она, спонтанно формируясь, им. Это открывает перспективу отношения к науке как к *сознательно конструируемой* культурной компоненте, наряду с её ролью автономно формирующейся части культуры.

История науки свидетельствует, что качественные рывки в её развитии связаны как с внутринаучными факторами — формированием новых методологических стратегий, норм научного

исследования и научных онтологий (картин мира, по В.С. Стёпину), революционными открытиями и совершенствованием экспериментальной техники, так и с формой бытования науки в социокультурном пространстве. Речь идёт не только об общественных потребностях и запросах, значении науки как производительной силы, но о её восприятии элитами и обществом в целом, о её положении в системе ценностей и социальных приоритетов. Ко всем этим факторам можно подходить с тех конструктивистских позиций, о которых говорилось в самом начале статьи: предлагать новые методологические подходы, проектировать необходимую технику и планировать эксперименты. Каждый исследовательский проект – пример подобной организации научной деятельности на микроуровне, определение перспективных областей – на макроуровне. Точно так же учёный может относиться к научной деятельности как к социокультурному феномену, то есть определять и обосновывать, как наука должна позиционироваться в общественном и культурном пространстве.

Новоевропейская наука, используя метафору философа и историка науки Л.М. Косаревой, “рождавшаяся из духа культуры” [28] как образ будущего, распределённо существующий в разных головах, творилась в конкурентной борьбе различных стратегий развития культуры. Заслуга учёных XVII в. заключалась не только в разработке теоретико-познавательных и методологических основ современного естествознания: в условиях противостояния мнений они смогли артикулировать образ формирующейся науки в качестве готового к осуществлению проекта. И это был далеко не только методологический или гносеологический проект, что нашло отражение, например, в творчестве Ф. Бэкона. “Новая Атлантида” – пример *социокультурного проекта*, пусть и утопического. В социокультурный контекст были вписаны и просвещенческий проект, и позитивистский в его оригинальной контовской проработке, в рамках которых наука позиционировалась в качестве духовного и деятельностного центра культуры, единственно возможного основания построения общества.

Проект развития науки, созданный А.А. Богдановым, наследовал просвещенческие и позитивистские идеалы, одновременно инкорпорируясь в марксистскую теорию развития общества, перенимая ориентацию на революционное исправление неадекватных социокультурных форм. Богданов считал, что современная наука вкупе с культурой в целом носит классовый характер и как таковая выступает средством угнетения. Учёный был уверен, что вызовы, которые выдвигает перед человечеством XX столетие, не могут быть преодолены в рамках индивидуалистического типа культуры, они требуют формирования *коллекти-*

вистской культуры, основанной на принципах всеобщего товарищества и солидарности, а не угнетения.

Организации и упорядочиванию прежде всего должна была подвергнуться научная деятельность. Причём речь шла не об усилиях отдельных учёных, но об общественной задаче: “Дело преобразования наук ведётся до сих пор совершенно неорганизованно, без всякой планомерности: оно предоставлено всецело личной инициативе и, следовательно, случаю” [23, с. 348]. Таким образом, Богданов выдвигал цель *управления научно-техническим развитием*, но понимал его намного шире, чем это делается сейчас. Его интересовало не определение перспективных направлений или критических технологий, но сами *организационные принципы* научной деятельности, которые принадлежат более широкому контексту культурно-исторического развития, то есть глобального процесса организации человечеством своей среды обитания – природной и общественной. Поэтому и программа развития науки включалась в программу развития культуры, а именно в проект построения пролетарской культуры. И понятие, и сам проект пролеткульта очень быстро обрели собственную жизнь, во многом независимую от того смысла, который вкладывал в них создатель. Именно поэтому сегодня Богданова как идеолога пролеткульта, не вдаваясь в детали, иной раз записывают в стан радикальных революционеров, мечтавших сровнять прежнюю духовную культуру с землёй и начать всё с начала.

В действительности проект пролетарской культуры не призывал ничего уничтожать, наоборот, прежняя культура должна была быть присвоена рабочими (хотя, безусловно, критически), что открывало перспективу собственного культурного творчества. Это и значило стать *субъектом организационной деятельности*, то есть воспринять культуру как инструмент, который может быть усовершенствован. В частности, науку как социокультурный феномен следовало превратить из средства угнетения, из занятия немногих в инструмент действительного преобразования жизни всего общества и всех граждан, что не могло произойти без овладения ею широкими трудовыми массами. Для этого наука должна была стать проще, очиститься от ненужных умствований и спекуляций, которые как раз отсылали к фетишизации организационных норм. Напомню, что, по мысли Богданова, научные истины всегда относительны, их корректирует развитие практики, а значит, признание окончательности научных истин в марксизме советского толка демонстрировало непонимание организационной природы этих истин.

Передача науки в руки рабочего класса – “класса-организатора по самой природе”, по-

скольку именно его представители непосредственно причастны к практике, — должна была осуществляться в “системе учебных и учёно-учебных заведений”, которую Богданов называл “Рабочим университетом” [23, с. 351]. Учреждения, входящие в эту систему, мыслились им как площадка не трансляции научных знаний, но преобразования науки в рамках диалога учёных и рабочих. Это был бы процесс, с одной стороны, демократизации науки, с другой — её прагматизации в ходе “расколдовывания” научного знания, прояснения его методов как организационных, а не вскрывающих какие-то вечные истины.

* * *

Если богдановская идея создания всеобщей организационной науки нашла воплощение в теории систем и кибернетике, то его проект трансформации науки как целостного социокультурного феномена отчасти был реализован в форме сталинской науки — народной науки, которая, по словам академика С.И. Вавилова, “целиком направлена на службу народу” и в которую “влился широким потоком народ из заводских цехов, с колхозных полей” [29, с. 11]. И первое, и второе весьма близко к идеалам Богданова, хотя, конечно, в смысле того, как были реализованы эти идеалы, сталинская наука так же далека от замысла Богданова, как рецепция его концепции пролеткульта от изначально им предлагавшегося. Ведь вместо общей теории организации, как планировал Богданов, вся система наук опиралась на “истинно научное мировоззрение” — диамат, что элиминировало саму возможность формирования той рациональности, которая должна была стать основанием новой науки и нового общества.

Интеграция марксизма и позитивизма, общественной проблематики и вопросов развития науки позволяет говорить о Богданове и как о провозвестнике экстерналистского анализа науки (то есть анализа зависимости развития научного знания от вненаучных — индивидуально-психологических, социальных, культурно-исторических и других — факторов), и как об идеологе полезной науки, смысл которой не в поиске истины, а в решении практических проблем, в развитии технологии и улучшении условий жизни людей. Однако и экстернализм, и культурная критика науки, которую осуществил Богданов, совсем не обязательно ведут к утилитаризму. Достаточно вспомнить противоположный по посылу и выводам и намного более известный случай критики науки, реализованной Э. Гуссерлем. Но если программа Гуссерля относится прежде всего к концептуальным основаниям науки, то Богданов остался одним из последних мыслителей, анализировавших

науку в контексте программы масштабных социальных преобразований.

Опыт формирования новоевропейской науки свидетельствует о продуктивности социокультурных проектов как своеобразной формы идеологической поддержки науки — а сегодня её явно не хватает — и одновременно как формы осмысления научным сообществом своей социальной и культурной миссии. Можно, конечно, обвинить подобные проекты в утопизме, в глобальном подходе к социальным преобразованиям, который, как доказывал философ науки и создатель концепции открытого общества К. Поппер, есть абсолютное социальное зло, поскольку всегда предполагает логику тотальной перестройки при игнорировании значимых деталей. Однако изучение утопии в качестве способа рефлексии существующих социальных реалий показывает, что проблема не в самих утопиях, а в том, что их используют не по назначению. Проводить социальные преобразования, дословно следуя утопическому идеалу, — это то же, что действовать в соответствии с некоторыми теоретическими построениями, не дополняя их эмпирической интерпретацией. Идеального общества не существует, это всего лишь теоретический конструкт. Социальные идеалы задают сетку координат, позволяя систематизировать практику и избегать деструктивных тенденций. Как отмечает В.А. Лекторский, сегодня человечеству не хватает глобальных и конструктивно-утопических проектов [30] — не как описаний нереальных обществ, а как завершения работы по формированию позитивного общественного идеала [31].

Экстерналистское понимание науки и соответствующее нормирование научной деятельности может реализовываться и в парадигме социологии науки, и в рамках более широкого социокультурного измерения науки. При этом важно не только исследовать и транслировать полученные знания и формировать учёных и инженеров, понимающих социальный и культурный контекст бытования науки. Представитель научного сообщества, особенно если он является организатором науки, должен видеть даже не контекст, а систему, в которой наука выступает подсистемой, частью, неразрывно связанной с целым. Находясь в ситуации социокультурных трансформаций, вызванных именно научно-техническим прогрессом, научное сообщество не может не подвергать критической оценке свою роль в этом процессе и не формировать позитивной программы собственной деятельности. На пересечении такой рефлексии и общественного запроса и формируется социокультурный проект — программа развития науки. Александр Богданов стал одним из тех, кто взял на себя смелость такой проект предложить. Важно, что большинство его идей так или иначе оказались созвучными назревшим

вызовам времени. Развитие науки, как и многих других социокультурных феноменов, идёт не линейно, не в логике строгих причинно-следственных цепочек, а в логике конструирования чего-то нового в рамках имеющихся ресурсов, проблем, возможностей и рисков. Подобный творческий синтез осуществляется в науке постоянно, очевидна его необходимость и в наше время.

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-00134).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кессиди Ф.Х.* Идеи и люди: историко-философские и социально-политические этюды. М.: ИФ РАН, 2003.
2. Западная философия XX – начала XXI вв. Интеллектуальные биографии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
3. *Моисеев Н.Н.* Люди и кибернетика. М.: Молодая гвардия, 1994.
4. *Лекторский В.А.* Философия, познание, культура. М.: “Канон+”, 2012.
5. *Архангельский Ю.Е., Горлова И.И.* Сущностная характеристика тоталитаризма и тоталитарной культуры в контексте культурологического знания // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 77–78.
6. *Pirozhkova S.V.* Soviet Marxism and Identity of Contemporary Russian Philosophy // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2018. V. 88. № 6. P. 539–548; *Пирожкова С.В.* Советский марксизм и самосознание отечественной философии // Вестник Российской академии наук. 2018. № 11. С. 1039–1049.
7. *Стейла Д.* Наука и революция: Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910 гг.) / Пер. с итал. О. Поповой. М.: Академический проект, 2013.
8. *Межуев В.М.* Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему. М.: Культурная революция, 2007.
9. *Локтионов М.В.* Александр Богданов между марксизмом и позитивизмом. М.: ИФРАН, 2018.
10. *Локтионов М.В.* Александр Богданов. Незвестный марксизм. Москва: ГАУГН-Пресс, 2018.
11. Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: “Канон+”, 2009.
12. Psychology and postmodernism / Ed. by S. Kvale. London: Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 1992.
13. *Gergen K.* An invitation to social construction. London: Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 1999.
14. *Borup M., Brown N., Konrad K., Lente van H.* The Sociology of Expectations in Science and Technology // Technology Analysis & Strategic Management. 2006. V. 18. № 3/4. P. 285–298.
15. *Fraassen van B.C.* The Scientific Image. Oxford: Oxford University Press, 1980.
16. *Богданов А.А.* Тектология (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн. Кн. 1. М.: Экономика, 1989.
17. *Труфанова Е.О.* Субъект и познание в мире социальных конструкций. М.: “Канон+”, 2018.
18. *Гловели Г.Д., Фигуровская Н.К.* Трагедия коллективиста // Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 3–28.
19. *Rockmore T.* Is Marx a materialist? // Epistemology & Philosophy of Science. 2018. V. 55. № 3. P. 62–75.
20. *Богданов А.А.* Вера и наука. <http://psylib.org.ua/books/lenin01/txt14.htm> (дата обращения 10.11.2018).
21. *Пирожкова С.В., Омелаенко В.В.* Исторический контекст и современное значение социальных проектов Александра Богданова // Электронный научно-образовательный журнал “История”. 2019. Т. 10. <https://history.jes.su/s207987840005338-0-1/> (дата обращения 18.02.2020).
22. *Богданов А.А.* Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990.
23. *Богданов А.А.* Социализм науки // *Богданов А.А.* Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 360–410.
24. *Pirozhkova S.V.* Humanistic Support for Technological Development: What Should It Be Like? // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2018. V. 88. № 3. P. 210–219; *Пирожкова С.В.* Социогуманитарное обеспечение технологического развития: каким ему быть? // Вестник РАН. 2018. С. 444–454.
25. *Столярова О.Е.* Третья волна исследований науки как философское обоснование STS // Логос. 2018. Т. 24. 5. С. 31–52.
26. *Jamison A., Christensen S.H., Botin L.* Hybrid Imagination: Science and Technology in Cultural Perspective. Colorado, USA: Morgan & Claypool, 2011.
27. *Горохов В.Г., Грунвальд А.* Каждая инновация имеет социальный характер (Социальная оценка техники как прикладная философия техники) // Высшее образование в России. 2011. № 5. С. 135–145.
28. *Косарева Л.М.* Рождение науки нового времени из духа культуры. М.: Ин-т психологии РАН, 1997.
29. *Вавилов С.И.* Научный гений Сталина // Иосифу Виссарионовичу Сталину Академия наук СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1949.
30. *Лекторский В.А.* Неизбежность идеологии (идеология, наука, философия) // Философия и идеология: от Маркса до постмодерна / Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов, сост. А.В. Рубцов. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 180–189.
31. *Черткова Е.Л.* Утопия как “философский проект” // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 190–201.